

Инна Михайловна НАПОЛЬСКИХ,

ORCID 0009-0003-0947-5125

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (г. Москва)

адъюнкт

inna.napolskikh@mail.ru

Научная статья

УДК 340:(342+347)

ДОВЕРИЕ В ПУБЛИЧНОМ И ЧАСТНОМ ПРАВЕ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Доверие, частное право, публичное право, субъект права, власть, властный субъект, авторитет, сравнительная характеристика.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Тема статьи актуальна в контексте поиска и использования наиболее эффективных механизмов и средств поддержания и совершенствования действующего права. Важность проводимого автором статьи исследования обуславливается тем обстоятельством, что частные и публичные интересы оказываются нередко тесно переплетенными. В статье рассматриваются и сравниваются проявления доверия в публичном и частном праве, анализируются их взаимосвязи. *Методы.* При подготовке материалов для статьи применялись сравнительно-правовой, формально-логический, системный методы исследования. *Результаты.* Автор приходит к выводу том, что как в рамках публично-правового, так и частноправового взаимодействия формирование доверия является промежуточной целью, достижение которой позволяет конструктивно взаимодействовать в правовом поле. Создание необходимых социально-экономических условий в совокупности с потребностью сотрудничества между субъектами права обуславливают такое явление, как доверие, и формирование доверительных отношений. Подчеркивается, что в сфере публичного права доверие к праву находится в зависимости от доверия к властным субъектам. Недостаток доверия не означает неэффективности действия права. В такой ситуации действенность может быть достигнута за счет реализации мер принудительного характера. Но применение таких мер оборачивается во многих случаях снижением уровня признания права обществом. Значимость доверия для действенности частного права выше, чем для действенности права публичного в силу равноправия субъектов взаимодействия и большей свободы участников правоотношений.

ВВЕДЕНИЕ

Доверие является многогранным феноменом, имеющим различные формы проявления. Получение комплексного представления о его действии в правовом пространстве предполагает рассмотрение данного феномена с применением метода индуктивного познания. В частности, в рамках нашего исследования была предпринята попытка выяснить, в чем состоит отличие проявления доверия в публичном и частном праве.

Довольно распространенным является мнение о том, что разделение права на частное и публичное сводится к вопросу об охраняемых интересах: публичное имеет целью обеспечить интерес общественный, частное – индивидуальный¹. То есть, по сути дела, дублируется формула Ульпиана, предложенная почти 1800 лет назад [1]. Но не всегда то, что было установлено в рамках римского права, абсолютно верно сегодня и применимо к обстоятельствам современности.

Представленная выше позиция о разделении права не вполне подходит для проведения полноценного теоретического анализа, так как ее принятие «становится основанием для подме-

ны содержания права его формой» [2]. Нередко частные и публичные интересы оказываются тесно переплетенными между собой. Например, в публичном праве могут содержаться гарантии должной реализации правовых предписаний на случай возникновения сбоев в частноправовом регулировании. В связи с этим обоснованным представляется рассмотрение проявлений доверия в публичном и частном праве в их взаимосвязи и взаимообусловленности.

МЕТОДЫ

С помощью сравнительно-правового метода происходило выявление общих закономерностей формирования и проявления доверия в частном и публичном праве. С применением формально-логической методологии осуществлялось построение теоретических конструкций действия доверия в частном и публичном праве. Системный метод позволил определить значимость доверия для эффективности действия частного и публичного права.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Право является продуктом целенаправленной государственной деятельности и в то же время ре-

¹ Румянцев О.Г., Додонов В.Н. Энциклопедический юридический словарь. М., 1996. С. 260.

Inna M. NAPOLSKIKH,
 ORCID 0009-0003-0947-5125
 Moscow University of the Ministry of Interior
 of Russia named after V.Ya. Kikot (Moscow, Russia)
 Adjunct
 inna.napolskikh@mail.ru

TRUST IN PUBLIC AND PRIVATE LAW: COMPARATIVE CHARACTERISTICS

KEYWORDS. Trust, private law, public law, subject of law, power, authority, power subject, comparative characteristics.

ANNOTATION. *Introduction.* The topic of the article is relevant in the context of searching and using the most effective mechanisms and means of maintaining and improving the current law. The importance of the research conducted by the author of the article is determined by the fact that private and public interests are often closely intertwined. The article examines and compares manifestations of trust in public and private law, and analyzes their relationships. *Methods.* When preparing materials for the article, comparative legal, formal logical, and systematic research methods were used. *Results.* The author comes to the conclusion that, both within the framework of public law and private law interaction, the formation of trust is an intermediate goal, the achievement of which allows for constructive interaction in the legal field. The creation of the necessary socio-economic conditions, coupled with the need for cooperation between legal entities, determines the phenomenon of trust and the formation of trusting relationships. It is emphasized that in the field of public law, trust in law depends on trust in government entities. Lack of trust does not mean the law is ineffective. In such a situation, effectiveness can be achieved through the implementation of coercive measures. But the use of such measures results in many cases in a decrease in the level of recognition of law by society. The importance of trust for the effectiveness of private law is higher than for the effectiveness of public law due to the equality of subjects of interaction and greater freedom of participants in legal relations.

результатом социально-культурного развития общества, формой общественной традиции, столь же устойчивой и подверженной изменениям, как национальный язык [3]. Моральный аспект имеет место во всех сферах отношений между людьми – от индивидуальных до межкультурных, он имеет большое значение в регулировании отношений как на межличностном, так и на общечеловеческом уровне [4]. По замечанию Р.А. Ромашова, в рассмотрении права обособленно от морали и религии имеются свои преимущества. Вместе с тем нельзя отрицать наличия у права сакральных и морально-нравственных оснований [5].

Благодаря доверию создаются условия для конструктивного сотрудничества субъектов права, как в частных, так и в публичных правоотношениях. С доверием напрямую связаны способности людей образовывать социальные связи и эффективно взаимодействовать. Это неоднократно позволяло общественным отношениям переходить на более высокий уровень развития. Ю.Н. Харари позиционирует деньги как универсальное средство обмена, являющееся одним из первых механизмов доверия в обществе [6]. Современная система безналичных расчетов, онлайн-платежей и т.п. предусматривает совершенно иную систему доверия, чем та, которая существовала всего 20-30 лет назад. Масштабные изменения не могли бы произойти без формирования социально-экономических условий готовности к ним. По отношению к ним доверие является вторичным и сопутствующим условием. Поэтому его не следует «абсолютизировать, превращать в единственную основу правового поведения» [7, с. 144].

Как известно, «публичное право всегда опирается на частное, в первую очередь для обоснова-

ния формального равноправия субъектов правоотношений и создания хотя бы иллюзии справедливости» [8, с. 23]. Обратившись к историческому опыту, можно обнаружить примеры внешнего выражения доверия в сфере публичного права. Избрание Михаила Романова на царство Земским собором стало демонстрацией доверия, в определенном смысле «кредитом» доверия, ибо личные качества его еще не проявились достаточно ярко, родство с Рюриковичами было сомнительным, а вот отношения с властным и амбициозным патриархом Филаретом (Фёдором Романовым) отличались взаимным уважением и сотрудничеством. Существовала потребность в стабильной централизованной власти, которая была бы способна обеспечить защиту от внешних угроз и навести порядок внутри государства. Поэтому компромиссная фигура Михаила Романова в то время устроила большую часть властных элит. Ну а народ, как всегда, «безмолвствовал». Данный пример демонстрирует связь между выражением доверия и наличием социально-экономических условий для проведения необходимых преобразований. В то же время есть основания говорить о том, что доверие представляет собой феномен, влияющий на формирование социальных условий сотрудничества в правовом пространстве.

Как в частном, так и в публичном праве доверие можно рассматривать в качестве целевой установки, однако установка эта промежуточная, связанная с реализацией иных интересов. К примеру, в своей деятельности полиция стремится к достижению доверия граждан. В данном случае доверие как цель предстает в контексте гармонизации общественных отношений и приведения их к благоприятному состоянию. Вместе с тем благо-

даря доверию повышается эффективность деятельности органов внутренних дел и реализации правовых предписаний, а исследуемый феномен как промежуточная цель оказывается средством повышения эффективности. Но и население страны, в свою очередь, хочет видеть в сотруднике органов внутренних дел своего защитника, выразителя своих интересов. Косвенным подтверждением этого является всенародная любовь к милицейским (полицейским) детективам, где бесстрашные и честные служители правопорядка борются с преступностью, а также бюрократизмом, коррупцией и правовым нигилизмом.

В публичном праве, характеризующемся неравнозначностью позиций участников правоотношений, феномен доверия следует рассматривать во взаимосвязи с восприятием властных субъектов. Особое значение имеет в данном контексте, по словам А. Селигмена, «уверенность в системно-заданных ожиданиях» [9, с. 170]. Степень их реализации определяет отношение к власти и праву, от нее исходящему. Становится первичным вопрос о том, насколько власть в состоянии обеспечить правовые гарантии. К.Е. Сигалов отмечает, что «гарантирование – это интериоризация усилий гаранта по отношению к гарантированному, гарантия – условный «продукт» действий гаранта. При этом собственно ключевое понятие – это гарант» [10, с. 46]. Таким образом, доверие в публичном праве, будучи связанным с отношением к властным субъектам, в действительности является показателем степени уверенности в том, что ими будут должным образом обеспечены правовые гарантии.

Отсутствие безусловного доверия в сфере публичного права не означает, что право не будет действенным (если мы подразумеваем сугубо юридическую сторону вопроса). В этом случае действенность оказывается тесным образом связанной с мерами императивного воздействия. Однако в такой ситуации едва ли можно вести речь о действенности права в его социальном измерении.

В сфере частного права ключевую роль играет частный интерес, наличие которого обуславливает для субъектов правоотношений необходимость в определении границ, статуса, прав, обязанностей и ответственности по отношению друг к другу [11]. Все это связано со стремлением добиться реализации должного в действительном, обеспечить правоотношение гарантиями. Подобная тенденция наблюдалась еще в Древнем Риме, в частности, в сфере кредитных правоотношений. Кредит предполагал совершение покупки с отложенным платежом. Чаще всего таким образом приобретали землю, скот, рабов. Для обеспечения гарантий по кредиту применялась «федуция» – передача в залог ценности, она возвращалась при уплате долга [12].

Доверие складывается из двух элементов: отношения к субъекту взаимодействия и возможности обеспечить законные интересы правовыми средствами. Особое значение имеют репутационные характеристики субъекта взаимодействия, опыт прежнего взаимодействия с ним (если таковой имеется). Возможность обеспечить законные инте-

ресы правовыми средствами отсылает нас к правовым гарантиям. И если частноправовых механизмов недостаточно для обеспечения прав и законных интересов участников правоотношений, то оказываются задействованными публично-правовые механизмы.

В частном праве существенное внимание уделяется добросовестности участников правоотношений. «Требование добросовестности в ее обыденном понимании как честности, доверия к чужой честности, верности принятому обязательству, – пишет И.В. Сазанова, – является наиболее адекватным выражением идеи частного права, автономии воли, свободы договора» [13, с. 128]. Категории добросовестности придавалось большое значение в римском праве (*bona fides* – лат. «добрая совесть»). Под «*fides*» понималось не только доверие к данному слову со стороны других лиц, но и верность собственному слову. С точки зрения римского права, этот элемент детерминирует характер взаимодействия между людьми. В полной мере данный принцип был распространен на сферу публично-правовых отношений [14, с. 134].

Существенная роль доверия в частном праве подтверждается, кроме прочего, закреплением на законодательном уровне ответственности за преступные деяния, совершенные с применением злоупотребления доверием. К примеру, ст. 165 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием.

Инструментальные свойства доверия в публичном и частном праве связаны с функцией компенсации недостатков права.

В сфере публичного права доверие стабилизирует реакционные силы общества, действие которых вызывают различные правовые преобразования. В особенности ярко это прослеживается в ситуациях, когда правовые преобразования оказываются непопулярными, но тем не менее не встречают явного сопротивления со стороны общества.

Если говорить о частном праве, то здесь компенсационная функция доверия проявляется в ситуациях недостаточной степени урегулированности общественных отношений. Недостаточность регламентации не позиционируется как недостаток частноправовой сферы, это специфика данного вида права, отсутствие которой могло бы превратить правовую жизнь в регламент. Данная характерная особенность обуславливает наличие существенной доли неопределенности в исходе любого частноправового взаимодействия субъектов права. Доверие минимизирует опасения по поводу возможного недостижения реализации законных ожиданий. Принимая во внимание имеющиеся риски, но обладая гарантиями и основаниями для доверия, субъекты права вступают в частные правоотношения.

Если рассматривать вопрос о взаимосвязи доверия с действенностью публичного и частного права, то действенность целесообразно рассматривать как в юридическом, так и в социальном измерении.

В публичном праве реализация большинства норм обеспечена возможностью принуждения. И степень его действенности может повышаться за счет усиления мер принуждения. А это, в свою очередь, снижает уровень доверия к праву со стороны общества. Можно говорить о том, что реализация подобного подхода способствует существенному отдалению права от морали. Как отмечает Н.М. Коркунов, в случае пренебрежения правом нормами морали самые возвышенные нравственные интересы уступают формальным требованиям права, приносятся им в жертву¹.

Изучая действенность функционирования отношений «власть – подчинение», К.Е. Сигалов пишет: «Представления об иерархических властных отношениях чрезвычайно подвержены господствующим в обществе политическим доктринам, поэтому эффективность отношений «власть – подчинение» с точки зрения доминирующей именно в данном обществе правящей элиты еще не есть эффективность государства, а способность властей удерживать в подчинении население и успешно осуществлять обусловленную политической идеологией программу действий достигается совершенно разными средствами, некоторые из которых не только далеки от мировых стандартов, но и просто бесчеловечны» [15, с. 11]. «Все такие правомерные действия, для юридических последствий которых безразлична их внутренняя сторона, – подчеркивает Н.М. Коркунов, – относятся к числу событий и вместе с ними называются юридическими фактами»².

Представленные мнения соотносятся с позицией В.П. Малахова о том, что действенность публичного права, помимо воздействия на нее силы и власти, находится в зависимости от доверия к нему, но это – доверие к системе, что несопоставимо с возможностями конкретного человека. Поэтому проблема доверия для публично-правовой сферы, с точки зрения Р.А. Ромашова, решается

преимущественно за счет неадекватных средств (идеологии, контроля над информационными ресурсами, популизма и прочих политически окрашенных средств) [3]. Это обеспечивает образование доверия лишь по форме, но не по содержанию, поскольку положительное отношение основывается исключительно на иррациональных факторах, преобладание которых приводит к подмене доверия доверчивостью. При условии наличия реального доверия в публично-правовых отношениях степень действенности права в юридическом и социальном измерениях находятся примерно на одном уровне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам проведенного нами исследования считаем возможным сформулировать ряд выводов:

1. В рамках как публично-правового, так и частноправового взаимодействия формирование доверия является промежуточной целью, достижение которой позволяет конструктивно взаимодействовать в правовом пространстве. Формирование необходимых социально-экономических условий в совокупности с потребностью субъектов права в сотрудничестве обуславливает выражение доверия.

2. В публично-правовой сфере доверие к праву находится в зависимости от доверия к властным субъектам. Недостаток доверия не означает неэффективности действия права. В такой ситуации действенность может быть достигнута за счет реализации мер принудительного характера.

3. Достижение действенности посредством принуждения ведет к снижению уровня признания права (и власти) обществом.

4. Значимость доверия для действенности частного права выше, чем для действенности публичного, что обусловлено равноправием субъектов взаимодействия и большей степенью свободы участников правоотношений. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Савельева Ю.Н. К вопросу о сущности права и правовом дуализме в трудах Ульпиана // Символ науки. 2021. № 4. С. 109-111.
2. Малахов В.П. Публичное и частное в системе характеристик права // История государства и права. 2011. № 16. С. 2-7.
3. Ромашов Р.А. Дисбаланс права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 5 (106). С. 91-95.
4. Сигалов К.Е. Взаимосвязь моральных и правовых ценностей // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 2. С. 12-15.
5. Ромашов Р.А. Злоупотребление в праве и злоупотребление правом // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Казань, 2020 г. / Под ред. Р.Ф. Степаненко, С.Н. Тагаевой. Казань: Университет управления «ТИСБИ», 2020. С. 14-19.
6. Харари Ю.Н. Sapiens: краткая история человечества / Пер. с англ. Л. Сумм. М., 2016. 516 с.
7. Кокотов А.Н. Доверие. Недоверие. Право: Монография / Репр. изд. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 190 с.
8. Сигалов К.Е., Чувальникова А.С. Охранительная функция права и эффективного государства: диалектика частного и публичного в праве // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 6. С. 24-30.
9. Селигмен А. Проблема доверия / Пер. с англ. И.И. Мюрберг, Л.В. Соболевой. М.: Идея-Пресс, 2002. 254 с.

¹ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 352 с.

² Там же.

10. Сигалов К.Е. Императивные основания правового сознания // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2017. № 1 (9). С. 43-50.
11. Медушевская Н.Ф., Сигалов К.Е. Условия формирования гражданского общества в контексте пространственно-временных факторов // Пространство и Время. 2015. № 3 (21). С. 32-40.
12. Канаев А.В. Кредитные обязательства в системе римского частного права // Финансы и кредит. 2007. № 13 (253). С. 70-80.
13. Сазанова И.В. Злоупотребление субъективным гражданским правом: проблемы применения статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 2. С. 120-132.
14. Карлявин И.Ю. Методологическое значение категорий fides (совесть) и bona fides (добрая совесть) в римском частном праве // Lex Russica. 2015. № 1. С. 130-140.
15. Сигалов К.Е. Эффективное государство: миф или реальность // История государства и права. № 3. 2017. С. 9-14.

REFERENCES

1. Savel'yeva Yu.N. K voprosu o sushchnosti prava i pravovom dualizme v trudakh Ul'piana // Simvol nauki. 2021. № 4. S. 109-111.
2. Malakhov V.P. Publichnoye i chastnoye v sisteme kharakteristik prava // Istoriya gosudarstva i prava. 2011. № 16. S. 2-7.
3. Romashov R.A. Disbalans prava // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. 2015. № 5 (106). S. 91-95.
4. Sigalov K.Ye. Vzaimosvyaz' moral'nykh i pravovykh tsennostey // Grazhdanskoye obshchestvo v Rossii i za rubezhom. 2013. № 2. S. 12-15.
5. Romashov R.A. Zloupotrebleniye v prave i zloupotrebleniye pravom // Osnovnyye tendentsii razvitiya sovremennogo prava: problemy teorii i praktiki. Materialy IV Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiyem). Kazan', 2020 g. / Pod red. R.F. Stepanenko, S.N. Tagayevoy. Kazan': Universitet upravleniya «TISBI», 2020. S. 14-19.
6. Kharari YU.N. Sapiens: kratkaya istoriya chelovechestva / Per. s angl. L. Summ. M.: Sindbad, 2016. 516 s.
7. Kokotov A.N. Doveriye. Nedoveriye. Pravo: Monografiya / Repr. izd. M.: Norma: INFRA-M, 2020. 190 s.
8. Sigalov K.Ye., Chuval'nikova A.S. Okhranitel'naya funktsiya prava i effektivnogo gosudarstva: dialektika chastnogo i publichnogo v prave // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2018. № 6. S. 24-30.
9. Seligmen A. Problema doveriya / Per. s angl. I.I. Myurberg, L.V. Sobolevoy. M.: Ideya-Press, 2002. 254 s.
10. Sigalov K.Ye. Imperativnyye osnovaniya pravovogo soznaniya // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennyye nauki. 2017. № 1 (9). S. 43-50.
11. Medushevskaya N.F., Sigalov K.Ye. Usloviya formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v kontekste prostranstvenno-vremennykh faktorov // Prostranstvo i Vremya. 2015. № 3 (21). S. 32-40.
12. Kanayev A.V. Kreditnyye obyazatel'stva v sisteme rimskogo chastnogo prava // Finansy i kredit. 2007. № 13 (253). S. 70-80.
13. Sazanova I.V. Zloupotrebleniye sub'yektivnym grazhdanskim pravom: problemy primeneniya stat'i 10 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii // Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal. 2006. № 2. S. 120-132.
14. Karlyavin I.YU. Metodologicheskoye znachenije kategoriy fides (sovest') i bona fides (dobraya sovest') v rimskom chastnom prave // Lex Russica. 2015. № 1. S. 130-140.
15. Sigalov K.Ye. Effektivnoye gosudarstvo: mif ili real'nost' // Istoriya gosudarstva i prava. № 3. 2017. S. 9-14.

© Напольских И.М., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Напольских И.М. Доверие в публичном и частном праве: сравнительная характеристика // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 2 (76). С. 121-125.